

ПРОЛОГ

Тихо. Тут всегда тихо. Слышно только, как яблоки с деревьев падают. Точно уже от этих яблок. Вот если бы ребёнок был... Пат развалился в кресле с интеркубом. Смотрит три шоу одновременно. Всё-таки скучно вдвоём жить. Да и тоскливо. Как же тоскливо!

— Пат! Давай возьмём её к себе! Что девочке пропадать? Ну и наша ситуация...

— Слушай, мы ведь ещё не всё попробовали!

— Всё, Пат, всё попробовали. Говорят, так бывает, просто ничего не помогает. Да и возраст у меня... Даже если что-то получится, не приживётся, я это чувствую. Я не выношу или не рожу.

— Это ведь чужой тебе человек! Да и мне теперь уже чужой, правда.

— Вера — твоя дочь. Не может быть дочь чужим человеком. И она даже похожа на меня немного.

— Столько лет прошло. Ей уже тринадцать. Взрослая. Со своими заморочками! Ты уверена?

— Я уверена! Не могу так жить. У всех дети. Мне даже с соседями поговорить не о чем!

— Мы хотели пожить для себя.

— Пожили уже! Слишком долго жили для себя. Море это, дома одинаковые, работы нет. Мне скучно, Пат.

1/ ГАЛЯ

Если не видишь кого-то достаточно долго, если он не прикасается к тебе и не смотрит, если ты не слышишь гóлоса, всё стирается. В худшем случае он превратится в моего воображаемого друга на ближайшие сто лет.

Насчёт тотального контроля и несвободы. В этом и есть свобода, и защита тоже — в этом. Ты поправляешь волосы, стираешь размазанные под глазами тени — и никто не знает, отчего сбилась причёска или потекли глаза. Свобода оставлять всё личное при себе, выглядеть так, чтобы никому не пришло в голову, что тебе может быть плохо. Пусть завидуют, пусть бесятся. У меня всё хорошо. И пошли все к чёрту. Зеркало — это очень важно. Лишний раз выпрямить спину, расправить плечи, обрести уверенность.

2/ ВЕРА

Как же тянется время! Тоска! Ничего не говорят о сроках! У времени нет границ. Как будто тебе дали вечность, пустую вечность. Заполняй время. Бабу́ советует: «Пиши дневник». А о чём писать, если ничего не происходит? Почему никто не говорит о том, что всё это — просто ошибка банковской системы? Раньше ведь жаловались, что зарплаты перечисляют не полностью! Дневник не от-

крывался, не подгружались задания, вот это вот всё! Система зависала, перезагружалась, даже к врачу не запишешься с первого раза. Обычный сбой! А по Главному каналу кричат о хищении в особо крупном размере. Сегодня. Пожилая женщина, вся в морщинах и пигментных пятнах, орала в камеру, сжимая в руках отчаянно вырывающуюся курицу:

— Пока мы тут в деревне из сил выбиваемся, встаём до зари, эти, чистенькие, в своих школах жируют. Сидят в красивых комнатках и языком болтают, разве это работа? — она говорила задыхаясь, брызгая слюной и возбуждаясь всё больше с каждым словом. — И всё им мало! Им подавай наших денег! Честных денег! Выучились за наш счёт!

Был ещё ролик с несколькими мужчинами в костюмах. Они сидели в пустой комнате с серыми стенами. Лица их тоже казались серыми.

— Я занимаюсь честным бизнесом с двадцати лет! Да, я зарабатываю много, но я плачу налоги, я обеспечиваю рабочими местами своих сограждан!

— И я тоже! — поддакнул второй и почесал нос.

— Нельзя обманывать своё государство, — продолжал первый, — мы все живём в едином мире и должны работать честно!

— Должны быть честными!

Все говорят о том, что нужно работать честно. Показали военных, они ползли по земле с оружием в руках, вдруг привставали на локтях и громко так: «Честность — лучшая политика!» Какой-то бред! Моя бабушка — похититель, хакер, аферист века? Смешно! Домашний арест до суда. А когда суд? Никто ничего не говорит! Три месяца сидим дома, выходить нельзя. Охрану приставили. А ведь переселиться должны были. На этой неделе! Бабу не верила, что нас оставят здесь, книги свои старые с полок достала, стопками сложила. В её комнате теперь как в лабиринте. Между стопками ходим. Бабу говорит — читай. Я взяла какие-то стихи, ничего так. На двух языках. Оригинал — и сразу перевод. Только долго их читать невозможно. Скучно. Шоу смотреть противно. Тоже скучно. Без связи невыносимо. Каждый день достаю интеркуб и пытаюсь ловить сеть или хоть какой-то сигнал — ничего. Остаётся только соседа подслушивать. Там у него интересно.

**3/
БЕРА**

Вчера приходил психотренер. Задавал вопросы, внимательно так смотрел в глаза. Говорил, нервозность повышена. Ещё сказал, что разрешат прогулки. Потому что члены семей арестованных, особенно дети и подростки, вроде бы ни в чём не виноваты. Хоть на том спасибо.

«У вас сейчас формируется устойчивая психика. Тринадцать лет — непростой возраст, будете гулять, дышать свежим воздухом, и сон наладится». Как же хочется выбраться на улицу! Когда-то прикидывалась больной, чтобы поваляться на диване с интеркубом. Если бы знать, что так будет, я бы не теряла времени на такую ерунду. Я бы гуляла, просто бродила по улицам, шла куда глаза глядят. Я бы весь город обошла ногами, быстрым шагом!

Как все радовались, когда деньги перевели! Бабу в тот злополучный день счастливая пришла, заказала деликатесов всяких, праздник устроила. «Такую премию дали к праздникам! Всем учителям! И даже работникам школьной столовой! Давай тебе платьев накупим?» Вот и накупили.

4/ ГАЛЯ

Ты говорил, что в какой-то момент тебе хотелось остаться со мной совсем. Но это же не так! Ты никогда не говорил об этом прямо. Что стоило рискнуть, даже сразу, в первый же вечер? «Вот, ты мне нравишься, очень, и да, я о тебе ничего не знаю, ты обо мне, и всё-таки давай будем вместе навсегда». И всё. Не знаю, что бы я ответила тогда. Зато я бы знала точно, что нужна тебе. И тогда ты мог бы говорить: «Я тебе предлагал». А я могла бы сожалеть, что

отказалась. Но отказываться было не от чего. Мне нужен был выход — и чтобы меня к нему подвели и вытащили за уши. И не надо говорить, что ты тогда влюбился, — ты даже не проводил меня. Было поздно. Я — обалдевшая после всего, что случилось. Не ожидала от себя такого, было страшно, очень страшно. И да, ты предлагал проводить, я отказалась, просто из вежливости, а ты очень быстро согласился. Вот и всё. К слову о том, чувствуешь или не чувствуешь. Ты думал тогда не обо мне, а о том, чтобы вернуться домой не слишком поздно. Ну да, потому что дома может быть скандал. Но я-то тогда об этом не знала. А если бы знала, что у тебя семья, — вообще бы не стала встречаться. Потому что чужое нельзя.

«А ты ничего не знаешь, ничего не контролируешь и ничем не управляешь. Только любишь производить эффекты. Это диагноз». Так ты обо мне сказал. Ну, всё верно, да.

**5/
ВЕРА**

Не понимаю! Мы же и не собираемся куда бежать! У бабу всю информацию о собственности и счетах заблокировали. Куда она денется без документов, да она и передвигается еле-еле! Зачем столько охраны?! И меняются, утром и вечером, чтобы мы что? И гуляет теперь с нами. Этот человек-шкаф.

Но всё равно, как хорошо на улице! И как изменилось всё за три месяца. Старые дома так и не снесли. Оставили в них таких, как мы. А какие новые башни выросли! Наши малоэтажки, кирпичные, потрёпанные, блёклые, наводят тоску на фоне светлых высоток из яркого новисребуса. Окна школы не горят, растяжка на фасаде: «Здесь будет мультифункциональный развлекательный центр». Не могут же взять и просто закрыть школы? Ведь работники школ под арестом сидят! Сколько же это может продолжаться? Остальные-то, свободные, у кого будут учиться? Ничего не понимаю! И сколько нас таких? Неужели все школы? Везде?

**6/
БЕРА**

Смотрела с бабу Главный канал. Шоу о реформе образования. Оказывается, без учителей можно обойтись. Открывают магны – прогрессивные учебные заведения. Новых учителей набрали всего за пару дней. Для преподавания достаточно сдать несложный тест и пройти собеседование с психотренером. Желающих нашлось немало. Усовершенствованной школе учителей требуется меньше, чем традиционной. Уроки сократили до двадцати минут, некоторые предметы вообще убрали из программы за ненадобностью. Их заменили беседами с психотренерами.

В школах работало всего два психотренера, в магнах будет не меньше десяти. «При погружении в новую программу от учеников и учителей требуется прежде всего психологическая устойчивость, открытость и вовлекаемость. В будущем занятия планируют заменить тренингами и лечебными беседами». У бабу глаза на мокром месте. Я спрашивала – как же так? А она только: «Всё образуется, надо подождать, всё решится».

71
ВЕРА

Решила придумать себе распорядок дня. Если нет плана, время тянется, как жвачка безвкусная. Раньше, когда была школа, ничего ведь не успевала. Надо вставать рано. Книжки читать, уроки делать. В интеркуб же всё закачано, вряд ли стирать будут. И старых бумажных книг у бабу полно. Там ещё всякие пометки карандашом, как в древности. В первые дни как я радовалась, что в школу бежать не надо! Спать можно. Без связи сначала не так плохо было. Даже спокойно – никто не дёргает. Шоу можно смотреть. Только эти шоу все одинаковые. И мерзкие. Мерзкие они. Итак, распорядок дня. Нужно придумать что-то, какое-то дело, чтобы занять время. Вот, например, продукты мы можем заказывать какие угодно. Без ограничений. А у бабу

книги с рецептами. Выберу самые сложные рецепты – буду готовить. Пока буду выбирать – целый день пройдёт. А может, и два. Знать бы, сколько ещё так сидеть! Хорошо бы точно знать!

8/ ВЕРА

Я всё слышу. Он просыпается рано. Сестрёнка младшая будит. «Уже утро, – кричит, – пора вставать». Он ворочается, отгоняет её, потом щекочет, она смеётся, скатывается с кровати на пол. Он встаёт, делает зарядку. Отсчитывает повторы упражнений. Время от времени со стуком опускает гантели на пол. После занятий он уходит куда-то вглубь квартиры. А мне вставать не хочется. Тяну время. Жалко, что я не выпросила себе брата или сестру, когда мама и папа ещё были вместе. Сейчас было бы с кем играть. Его зовут Грин. А сестру – Полина. Кажется, они переехали незадолго до ареста, я их слышала во дворе, мы тогда ещё все свободные были. А до них в этой квартире жила странная тётушка, всё бормотала что-то себе под нос. Я каждое слово слышала, каждый скрип. Я бы сейчас с ума сошла, если бы жильцы не сменились. Жалко, что не познакомились до ареста. Сейчас могли бы болтать. А теперь надо тихонько. Чтобы я его слышала, а он меня – нет.